

Принцип представительной демократии в контексте современности: парадоксы эволюции

Аннотация. В статье проводится анализ эволюции принципа представительной демократии. Дается определение понятия принципов права, классификация. На основе мнений ученых западной школы права относительно принципа представительной демократии автор делает вывод о том, какой изначально была идея зарождения этого института и что представляет собой данный принцип сейчас.

Ключевые слова: принципы права, институт представительства, демократия, консультативная демократия, доверенные лица, выборный представитель, социальный агент, дефицит демократии, евробюрократия.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.68.7.172-179

Принципы права — это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни.

В принципах права содержание всей правовой системы раскрывается углубленно: в них непосредственно выявляются сущность права, его основы, закономерности общественной жизни, ее тенденции и потребности.

Будучи исходными началами исторически определенных правовых систем, принципы права имеют в их развитии и функционировании направляющее значение. Впрочем, такое направляющее, руководящее значение принципов связано с тем, что они являются глубинными элементами структуры права, — характери-

стика, при которой необходимо с предельной четкостью различать принципы, выраженные в самой материи права, и принципы правосознания.

В связи с тем, что в принципах права, в их составе, свойственном исторически определенным правовым системам, проявляются особенности содержания права, они могут быть подразделены на общесоциальные, имеющие характер социально-политических начал, и специально-юридические, или собственно правовые принципы¹.

Подобная классификация принципов права относится скорее к национальным правовым порядкам. Тем не менее принципы права ЕС и международного права в какой-то мере тоже можно разделить по этим основаниям, ибо

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С.75—76.

© Корнева А. А., 2016

* Корнева Анна Аркадьевна, аспирантка кафедры Интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
anet998@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая Кудринская, д. 9

правовая материя как на уровне национально-го права, так и на уровне больших структурных общностей имеет относительно единую логику своего развития, естественно не лишаясь некоторых особенностей.

Трудно оспорить тезис о том, что принципы и аксиомы права являются наиболее консервативными правовыми категориями. Правовые нормы всего лишь объективируют фрагменты социальной действительности, придавая им формы юридически обоснованного поведения. Однако действительность меняется, соответственно меняются и юридические правила. Принципы же права относительно неизменны. В то же время они могут наполняться разным содержанием в зависимости от тех или иных обстоятельств. Не без оснований современный французский социолог Пьер Бурдьё написал: «Социальный мир есть место борьбы за слова, которые обязаны своим весом — подчас своим насилием — факту, что слова в значительной мере делают вещи и что изменить слова и, более обобщенно, представления... значит уже изменить вещи. Политика — это в основном дело слов»².

В этом смысле юриспруденция, строго говоря, это не в основном, а вообще дело слов. С точки зрения логики, философии и теории аргументации важно проведение различия между двумя функциями языка: описательной и оценочной. В первом случае отправным пунктом сопоставления высказывания и действительности является реальная ситуация, и высказывание выступает как ее описание, характеризующее в терминах понятий «истинно» и «ложно». Во втором случае исходным является высказывание, выступающее как стандарт, перспектива, план; соответствие ему ситуации характеризуется в терминах «хорошо», «безразлично» и «плохо». Цель описания — сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки — сделать так, чтобы мир отвечал словам³.

В этой связи возникают некоторые соображения в части толкования и понимания терминов, понятий, юридических конструкций. Так,

в юриспруденции норму понимают как установленное или санкционированное государством правило поведения, устанавливающее права и обязанности субъектов права в юридически значимых ситуациях. В социологии, да и в других науках, норма понимается как *социально навязанная и социально закрепленная оценка*. Иными словами, норма, как, впрочем, и нормальность, в настоящее время приобретает ярко выраженный полисемантический характер, во многом зависящий от субъективных, порой навязанных оценок.

Лон Л. Фуллер определил право как «предприятие по подчинению человеческого поведения руководству правил»⁴. С оговорками это понимание права можно признать в качестве западной традиции. Гарольд Дж. Берман в своей известной книге констатирует: «Мысль, что западная традиция права в XX в. переживает кризис, равного которому еще не было, никак нельзя научно доказать. Это интуитивное ощущение. Я могу только засвидетельствовать, что я чувствую, что человек Запада находится в гуще беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли. Ставится под вопрос вся наша традиция права — и не только так называемые либеральные идеи последних двух столетий; поколебалось само здание западной законности, постройка которого началась еще в XI—XII столетиях»⁵. По его словам, никто уже не думает, что корни закона — в нравственном порядке Вселенной. Право все меньше воспринимается с точки зрения истории и все больше *с точки зрения политики* (выделено мной. — А. К.).

Среди основных характеристик западной традиции права, данных Гарольдом Дж. Берманом, в контексте проблематики статьи заслуживают две из них: «Возможно, самая яркая черта западной традиции права — это сосуществование и соревнование внутри одного общества различных юрисдикций и различных правовых систем. Именно этот плюрализм юрисдикций и правовых систем и делает превосходство закона необходимым и возможным... Существует напряженность между

² Цит. по: Кара-Мурза С. Кризисное обществоведение. М., 2011. С. 191.

³ Ивин А. А. Теория аргументации. М., 2007. С. 17—18.

⁴ Fuller L. The Morality of Law. New Haven, 1964. P. 106.

⁵ Берман Дж. Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 13.

идеями и реальностью, между динамическими качествами и стабильностью, между трансцендентностью и имманентностью западной традиции права. Эта напряженность периодически приводила к насильственному свержению правовых систем»⁶.

На эту напряженность между идеями и реальностью хотелось бы обратить особое внимание. Идея представительства и ее реальное воплощение действительно вызывает определенные вопросы. Кстати сказать, эта проблема возникла не сегодня. Об этом размышляли достаточно давно, причем на основе реальной политической практики.

Немецкий юрист Отто Гирке полагает, что идея связи представительства и принятия решений большинством проникла в сферу политики через церковные советы, которые позаимствовали ее из законов о корпорациях, хотя даже внутри церкви специалисты по каноническому праву придерживались мнения, что у меньшинства есть некоторые бесспорные права и что вопросы веры нельзя решать большинством голосов⁷.

Английский глагол *to represent* («представлять»), восходящий к латинскому глаголу *repraesentare* («снова сделать присутствующим»), имел несколько значений. Однако его первое «политическое» употребление в смысле «действовать в качестве чьего-либо официального агента или заместителя» было отмечено в 1651 году в памфлете Исаака Пеннингтона, а затем в речи Оливера Кромвеля 22 января 1655 года в парламенте: «Я заботился о вашей безопасности и безопасности тех, кого вы представляли (*represented*)». После казни короля Карла I в 1649 году в Акте Парламента появляется слово *representative* (представительный). Слово, конечно же, появилось гораздо позже самого явления.

Итальянский юрист Бруно Леони полагает, что у своих истоков политическое представительство было тесно связано с идеей о том, что представители действуют как доверенные лица других людей и в соответствии с их волей. Когда в Новое время и в Англии, и в других странах принцип представительства распространился

на всех членов политического сообщества, возникли три серьезные проблемы, которые необходимо было решить, чтобы принцип представительства заработал на практике:

- 1) как сделать так, чтобы количество граждан, уполномоченных выбирать представителей, соответствовало реальной структуре населения;
- 2) как поощрить выдвигать свои кандидатуры в представители тех граждан, которые были бы адекватными представителями воли народа;
- 3) как создать такую систему выбора представителей, при которой представители адекватно отражали бы мнения тех людей, которых они представляют⁸.

Едва ли можно сказать, считает Бруно Леони, что к настоящему времени эти проблемы были бы удовлетворительным образом решены. До сих пор ни в одной стране не справились ни с одной из них; ни один народ не смог сохранить дух представительства — деятельности, которая совершается согласно воле представляемых людей.

Й. Шумпеттер полагал, что политические решения всегда подразумевают наличие компонента, несовместимого с личной свободой и, соответственно, несовместимого с подлинным представительством воли тех людей, мнение которых не было учтено в принятом решении.

Джон Стюарт Милль, автор известной работы «Рассуждения о представительном правлении», справедливо считал, что представительство не может работать, если люди, которых представляют, не участвуют каким-либо образом в деятельности своих представителей. Он, в частности, полагал: «Представительные учреждения окажутся недействительными и будут служить лишь простым орудием тирании и интриг, если большинство избирателей так мало заинтересовано в этой форме правления, что не желает даже участвовать в выборах, или если и подают голоса, то не руководствуются соображениями общественного блага, а продают их за деньги или вотируют по указанию лица, от которого они зависят, или того, кого

⁶ Берман Дж. Г. Указ. соч. С. 27.

⁷ Gierke O. *Political Theories of the Middle Age*. Cambridge University Press, 1922. P. 168.

⁸ Леони Б. Свобода и закон. М., 2008. С. 140.

они хотели бы по личным соображениям расположить в свою пользу. Такого рода избирательные собрания вместо того, чтобы служить действительной гарантией против дурного управления, чаще всего бывают только придаточным колесом в его механизме»⁹.

Это действительно сложная проблема. Она была актуальной не только во времена Милля, но и сегодня. Представительство само по себе великое благо, сформировавшееся в процессе бытия политически организованного общества, то есть государства. Тем не менее очень важно сохранить связь между теми, кто представляет, и теми, кого представляют. Представительство способно решать много проблем, которые неизбежно возникают в обществе посредством согласования противоречий.

По мнению Бруно Леони, представительство можно понимать в разных смыслах и некоторые из них, несомненно, создают у людей впечатление, что они принимают участие — существенным, хотя и непрямым способом — в процессе создания законов посредством законодательной системы их страны или даже в процессе управления делами страны посредством исполнительного аппарата. К сожалению, отмечает Бруно Леони, «то, что происходит сегодня в странах Запада, не дает нам оснований для самодовольства, если проводить непредвзятый анализ ситуации»¹⁰.

Стоит отметить, что Бруно Леони не одинок в своих оценках. В западном обществе сегодня сформировалась довольно устойчивая группа интеллектуалов, не обязательно левого толка, которые довольно критически относятся к современным реалиям европейского, а в целом западного общества, включая институт представительства и демократию.

Современный французский автор Клод Ревель полагает, что в мире, где господствует информация и ее производные — разум, влияние, образы, — будет навязываться образ мыслей, наиболее востребованный в этой области.

Сферу права в настоящее время все чаще относят к политическому рынку, политическому полю. Пьер Бурдьё считает, что «...полити-

ческое поле — это место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения “потребителей”... продуктами, предлагаемыми политическим полем, являются инструменты восприятия и выражения социального мира... Это означает, что политическое поле выполняет функцию своего рода цензуры, ограничивая универсум политического выступления. Доминирующие лица получают возможность под видом интересов своих доверителей выставить интересы своих доверенных лиц...»¹¹.

Политическое поле или политический рынок находятся в руках тех, кто владеет средствами политического производства — представительными учреждениями, СМИ, ассоциациями, политическими союзами и партиями.

Сфера политического порождает политическую бюрократию освобожденных профессионалов, а также необходимые институты, которые их готовят. П. Бурдьё, к примеру, считает, что в обязанности Высшей школы политических наук и Национальной школы администрации входят селекция и подготовка профессиональных создателей схем осмысления и выражения социального мира, политических деятелей, политических журналистов, высокопоставленных чиновников и одновременно кодификация правил функционирования поля идеологического производства.

Политический рынок производит не только программы, концепции и прочую «продукцию», но и законы. Некоторые западные ученые считают, что сегодня начинает складываться некий «рынок права».

Ален де Бенуа полагает, что право постепенно становится областью экономической науки, а в целом «...право становится продуктом, более или менее привлекательным, который подлежит завершению и продаже согласно спросу и предложению... Таким образом, мы сегодня присутствуем одновременно при приватизации и политики, и норм права. В юридическом

⁹ Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск : Социум, 2006. С. 8—9.

¹⁰ Леони Б. Указ. соч. С. 132.

¹¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. М., СПб., 2005. С. 180, 181, 184.

плане эта приватизация осуществляется за счет возвышения нормы или договора над инструментами законодательства»¹².

Исходя из жанра юридического языка, идея выглядит не очень корректно. Это можно отнести к специфике и издержкам политической публицистики, которая, в отличие от юридического письма, не столь щепетильна при конструировании текстов. Может быть, это не что иное, как изъяны перевода. Но в любом случае, мысль понятна.

Как пишет Ален де Бенуа, делая акцент на гражданском обществе, управление нередко пытается найти легитимность в провозглашении себя «демократией соучастия», рассчитывая, очевидно, обратить в свою пользу разочарования, порожденные представительной демократией. Однако она не имеет ничего общего ни с подлинной прямой демократией, ни с представительной в ее первоначальном варианте. Они все-таки способствовали более широкому, всеобщему участию в общественной жизни. «Демократия соучастия» стремится сократить сферу публичного в пользу частной сферы посредством «регулярного диалога» между представительными объединениями и гражданским обществом, рассматриваемым как простой результат сложения сообществ, групп по интересам и лоббистских групп¹³.

Сам институт представительства, неразрывно связанный с представительной демократией, переживает сегодня самую настоящую трансформацию. Некоторые западные ученые констатируют смену представительной демократии так называемой «консультативной демократией». В итоге искусственно сконструированные мнения открываются для публичного пространства, в то время как политическая легитимность решительно отделяется от выборных лиц и от народа. «Народное мнение» занимает место народных выборов.

Такого рода метаморфозы предопределены природой представительства (делегирования), о чем писали многие представители политико-правовой мысли.

Социолог Пьер Бурдьё задается вопросом «...если верно, что делегировать — значит поручить кому-либо отвечать за некую функцию, миссию, передавая ему власть, то мы должны спросить себя: как же получается, что доверенное лицо может иметь власть над тем, кто ему эту власть дал? Когда действие делегирования осуществляется одним лицом в пользу другого, все более или менее ясно. Но когда одно-единственное лицо является носителем полномочий целой группы лиц, оно наделяется властью, которая может быть трансцендентной по отношению к каждому из этих доверителей. Тем самым оно становится как бы воплощением того, что последователи Дюркгейма нередко называли трансцендентностью социального»¹⁴.

Далее рассуждение французского социолога приводят его к пониманию кругового характера представительства, т.е. представляемая и символизируемая группа существует именно потому, что существует представитель, и обратно — именно существование группы дает возможность агенту существовать в качестве ее представителя.

В роли агента может выступать министр, депутат, парламент и, наконец, государство. Оно ведь тоже по своей природе представитель общества, народа, классов, социальных групп.

В итоге, констатирует Бурдьё, политическому присуща своего рода антиномия, состоящая в том, что индивиды не могут (причем тем в большей степени, чем более они обделены) конституироваться или быть конституированными в группу, т.е. в силу, способную заставить слушать себя, говорить и быть услышанной иначе, как отказавшись от своих прав в пользу официального представителя. (На самом деле, эта антиномия действительно существует только для тех, кто находится в подчиненном положении. Упрощая, можно было бы сказать, что господствующие существуют всегда, в то время как подчиненные — только мобилизуясь и получая элементы представительства.) И самое главное: «Именно делегирование, забытое и игнорируемое, является началом политического отчуждения»¹⁵.

¹² Бенуа де А. Против либерализма. К четвертой политической теории. СПб., 2009. С. 249, 251.

¹³ Бенуа де А. Указ. соч. С. 253, 254.

¹⁴ Бурдьё П. Указ. соч. С. 157—158.

¹⁵ Бурдьё П. Указ. соч. С. 158, 159.

Пьер Бурдьё убежден, что уже в самом акте делегирования заложена возможность для злоупотреблений. Чем более люди обделены (особенно в культурном отношении), тем более они вынуждены и склонны верить себя доверенным лицам, чтобы получить возможность заявить о себе в политике. На пути от индивидуального к коллективному существованию нет другого способа, как прибегнуть к услугам представителя.

П. Сартр индивидуальное существование называл серийным. Это было положение изолированных индивидов. У коллективного существования единственным способом заявить о себе выступает представительство.

Узурпация, по Бурдьё, потенциально заложена в делегировании, а возможность говорить за кого-то, т.е. в его пользу и от его имени, влечет естественную склонность говорить вместо него. В конечном счете «узурпация, заключающаяся в факте самоутверждения своей способности говорить “от имени кого-то”, — это то, что позволяет перейти от изъявительного наклонения к повелительному»¹⁶.

Доверенные лица или социальные агенты в силу природы представительства не могут избежать, а чаще всего желают так называемого самоосвящения.

Некогда Ф. Ницше считал, что выборные представители (в его концепции — священнослужители) приспособливают к своим нуждам всеобщие ценности, присваивают их, конфискуют мораль и завладевают такими понятиями, как Бог, Истина, Мудрость, Народ, Свобода, превращая их в синонимы самих себя. Социальный агент, ставший группой, получает право на символическое принуждение в отношении этой группы и монополизацию коллективной истины. По аналогии политические представители приспособливают к своим нуждам такие понятия, как Свобода, Демократия, Права Человека и пр. Тем самым «служение» (*ministerium*) превращается в «господство» (*imperium*).

Ален де Бенуа, отражая процессы, происходящие в рамках ЕС, пишет, что в течение десятилетий мы наблюдаем функцию принятия решений организациями, в которых демо-

кратические процедуры не подразумеваются в принципе (Международный валютный фонд, Всемирный банк, НАТО, Центральный европейский банк и т.д.). В этом смысле весьма показателен тот способ, каким было организовано Европейское сообщество, *на сегодняшний день совершенно блокированное в своих действиях* (выделено мной. — А. К.).

Часто говорят, что Европа ограничивает суверенитет национальных государств, никак не компенсируя это ограничение на более высоком уровне. Можно также сказать, и это было бы точнее, что современные европейские институты приводят к ликвидации многочисленных демократических структур в странах Союза, не предлагая соответствующей замены на более высоком уровне. Ибо последний характеризуется как раз всесторонним дефицитом демократии. Европейские институты являют собой законченный пример автономии экспертов по сравнению с избранными властями. Всякий знает, что на сегодняшний день около 70 % всех законов, принимаемых французским парламентом, исходит из европейских инстанций: фактически национальной представительной власти они предлагаются для ратификации, а не для голосования. Ален де Бенуа приводит мнение Ральфа Дарендорфа, который охарактеризовал данный способ принятия решений в европейских структурах как «инсульт демократии»¹⁷.

Многие социальные процессы, которые происходят в странах ЕС, можно объяснить фактом особого рода отношений доверенное лицо — аппарат. Если доверенные лица (социальные агенты) еще как-то зависят от своих избирателей, то аппарат имеет отношение исключительно с представителями. Любой аппарат, независимо от времени и географии, функционирует по одним и тем же законам. М. Вебер считал, что едва ли не основная функция аппарата — тенденция к самовоспроизводству. П. Бурдьё таким образом формулирует основополагающий закон деятельности бюрократического аппарата: «Аппарат дает всё (в том числе власть над самим аппаратом) тем, кто так же отдает ему всё и ждет от него всего, потому что вне аппарата такие люди не имеют ничего или почти ничего.

¹⁶ Бурдьё П. Указ. соч. С. 168.

¹⁷ Бенуа де А. Указ. соч. С. 262.

Выражаясь более грубым языком, аппарат более всего дорожит теми, кто больше всего дорожит им, потому что именно они больше всего от него зависят»¹⁸.

Очень часто заурядные люди делают политическую (иначе бюрократическую) карьеру не потому, что они заурядны, а потому, что вне аппарата у них нет ничего, что позволило бы им решиться на какие-то самостоятельные действия. Таких примеров в истории довольно много.

Если политическое отчуждение возникает на уровне «доверители — доверенные лица» в относительно мягких формах, то на уровне «доверители — аппарат» это нередко полный разрыв интересов.

Еще совсем недавно торговый оборот между ЕС и Россией достигал 450 млрд долл. Сегодня из-за введения санкций огромное количество людей как в ЕС, так и в России вынуждены за это расплачиваться в прямом смысле этого слова. Никаких правовых оснований для введения санкций не существует в природе. Однако есть евробюрократия. По мнению академика РАН С. Глазьева, главным двигателем евроинтеграции является евробюрократия, обслуживающая интересы не своих наций, а транснациональных корпораций; американские политики всячески поддерживают расширение ЕС и НАТО на Восток, рассматривая эти структуры как важнейшие несущие конструкции своей глобальной империи. Иными словами, ЕС можно охарактеризовать как бюрократическую империю, формирующую

свое экономическое пространство в интересах американо-европейского капитала под контролем США. Как и всякая империя, она стремится к расширению, инструментом которой является втягивание близлежащих стран в ассоциации с ЕС с передачей их суверенитета Еврокомиссии. Для принуждения этих стран к превращению в колонии ЕС используется внедрение страха перед внешней угрозой, в качестве которой глобальные массмедиа представляют «агрессивную и варварскую» Россию¹⁹.

Возможно, эти оценки слишком категоричны. Однако огромная доля истины в этом есть. Многие государства, ставшие членами ЕС в последнее время, фактически проделали путь в обратном направлении, т.е. произошла их деиндустриализация со всеми вытекающими из этого последствиями.

Таким образом, на этом социально-политическом фоне можно констатировать некий паралич демократических институтов, наполнение их таким содержанием, которое уже имеет мало общего со своими историческими прототипами.

Бертран де Жувенель констатирует: «История демократической доктрины представляет разительный пример интеллектуальной системы, которую ветер общественных перемен повернул в обратную сторону. Задуманная для обоснования свободы, она подготовила тиранию. Призванная создать защиту от Власти, она доставила обильную, как никогда, наносную почву для разрастания Власти на общественной ниве»²⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права. — М., 2009. — С. 75—76.
2. Берман Дж. Г. Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1998. — С. 13, 27.
3. Бенуа де А. Против либерализма. К четвертой политической теории. — СПб., 2009. — С. 249, 251, 262.
4. Бруно Л. Свобода и закон. — М., 2008. — С. 132, 140.
5. Бурдые П. Социология социального пространства. — М., СПб., 2005. — С. 157—159, 174, 180, 181, 184.
6. Глазьев С. Третья мировая война. — М., 2015.
7. Жувенель де Б. Власть. Естественная история ее возрастания. — М., 2010. — С. 321.
8. Ивин А. А. Теория аргументации. — М., 2007. — С. 17—18.
9. Кара-Мурза С. Кризисное обществоведение. — М., 2011. — С. 191.

¹⁸ Бурдые П. Указ. соч. С.174.

¹⁹ См. подробнее: Глазьев С. Третья мировая война. М., 2015.

²⁰ Жувенель де Б. Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2010. С. 321.

10. Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении. — Челябинск : Социум, 2006. — С. 8—9.
11. Fuller L. The Morality of Law. — New Haven, 1964. — P. 106.
12. Gierke O. Political Theories of the Middle Age. — Cambridge University Press, 1922. — P. 168.

Материал поступил в редакцию 29 февраля 2016 г.

THE PRINCIPLE OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY IN THE CONTEXT OF MODERNITY: PARADOXES OF EVOLUTION

KORNEVA Anna Arkadyevna — Postgraduate student of the Department of Integration and European Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
anet998@rambler.ru
125993, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article analyses the evolution of the principle of representative democracy. The author defines the principles of law and classification. On the basis of the views of the scholars of the Western School of law with regard to the principle of representative democracy, the author concludes what the idea of establishing that institution was and what this principle means in the context of modernity.*

Keywords: *Principles of law, institute of representation, democracy, consultancy democracy, representatives, elective representative, social agent, democracy deficit, eurobureaucracy.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Obshhaja teorija prava. — M., 2009. — S. 75—76.
2. Berman Dzh. G. Zapadnaja tradicija prava: jepoha formirovanija. — M., 1998. — S. 13, 27.
3. Benua de A. Protiv liberalizma. K chetvertoj politicheskoj teorii. — SPb, 2009. — S. 249, 251, 262.
4. Bruno L. Svoboda i zakon. — M., 2008. — S. 132, 140.
5. Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva. — M., SPb., 2005. — S. 157—159, 174, 180, 181, 184.
6. Glaz'ev S. Tret'ja mirovaja vojna. — M., 2015.
7. Zhuvanel' de B. Vlast'. Estestvennaja istorija ee vozrastanija. — M., 2010. — S. 321.
8. Ivin A. A. Teorija argumentacii. — M., 2007. — S. 17—18.
9. Kara-Murza S. Krizisnoe obshhestvovedenie. — M., 2011. — S. 191.
10. Mill' Dzh. S. Rassuzhdenija o predstavitel'nom pravlenii. — Cheljabinsk : Socium, 2006. — S. 8—9.
11. Fuller L. The Morality of Law. — New Haven, 1964. — P. 106.
12. Gierke O. Political Theories of the Middle Age. — Cambridge University Press, 1922. — R. 168.